	мене еще жити, ни гроба твоего, чадо, востану... дондеже вниду и аз во ад и не могу терпети разлучения, зде же умру аз и спогребуся ему
младыя вдовы поплачите со мною	рыдайте со мною и плачите горко.

Противопоставление в плаче Евдокии былого могущества Дмитрия Донского беспомощности его после смерти, параллельно проходящей через весь плач Симеона Логофета антитезе: всемогущество божие и „безгласны, бездушны" Христос на кресте. Следует отметить, что именно в этом противопоставлении плач Евдокии выходит за пределы выражения интимных переживаний вдовы-княгини и отражает историческую оценку Дмитрия Донского-победителя: „Господин всей земли Руской был еси, ныне мертв лежиши, ником же владееши; многы страны примирил еси и многы победы показал еси, ныне же смертию побежен еси".

Таким образом, близость некоторых мотивов плача Евдокии к народным причетям не исключает того несомненного факта, что в литературном выражении этой вдовьей причети значительную роль сыграли и книжные припоминания автора: житийно-гимнографические стилевые традиции преобладают в художественной форме плача Евдокии, когда он отходит от фольклорной поэтики.

Если в характеристике мужества Дмитрия Донского автор „Слова о житии" отразил воздействие стиля исторических панегириков — прежде всего повести „о мужестве" Александра Невского, то в тех разделах первой части своего „слова", где он восхвалял христианские добродетели великого князя, он шел вслед за традиционной житийной схемой. Эта схема предусматривала определенный тип биографий святого и в некоторых случаях заменяла реальную биографию, в других — дополняла неизвестные факты этой биографии: сведения о детстве, ранних подвигах благочестия, целомудрие в браке, чудеса при кончине и т. д. Именно по этому типу строится канва биографии Дмитрия Донского, когда автор не заполняет ее историческими фактами.

Дмитрий „родися от благоверну родителю и пречестну... въспитан же бысть в благочестии и в славе, с всяцем наказанием духовным и от самех пелен бога възлюби... еще млад сы възрастом, но духовных прилежаше делес [или ниже: „от уны бо врьсты бога възлюби и духовных прилежа делех"]. Пустошных бесед не творяше и срамных глагол не любляше, а злонравных человек отвращашеся, а с благыми всегда беседоваше, а божественных писаний всегда с умилением послушаше [ниже: „аще и книгам не учен беяше добре, но духовныя книги в сердци своем имяше"]. А о церквах божиих вельми печашеся... злобою младенец обреташеся, а умом всегда съвершен бываше... По браце целомудренно живяста... с умилением смотряху своего спасениа в чистеи совести... плотиугодиа не творяху [ниже: „и по браце съвокупленіа тожде тело чисто съблюде, греху же непричастно... аггельскы живяше: постом и молитвою по вся нощи стояше, сна токмо мало приимаше и паки по мале часе на молитву въстаяше и подобу благу все творяше, в бернем телеси бесплотных житие дръжаше..."]. ...Егда преставися... просветися лице его яко аггелу"...

Из похвальных слов в честь святых взято и большинство метафорических и метонимических эпитетов Дмитрия, например: „око слепым, нога хромым, высокопарный орел, огнь, паляя нечистыа, баня мыющиа скверну, гумно чистоте" и т. п.